

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-411-418>

<https://elibrary.ru/VIIBPK>

П.М. БИЦИЛЛИ МЕЖДУ ФОРМАЛИЗМОМ И СОЦИОЛОГИЕЙ

© 2024 г. О.А. Коростелев

Аннотация: В статье рассматривается творчество П.М. Бицилли как литературного критика, указывается место литературно-критического наследия ученого в его творческом наследии, в отечественной филологии в целом и в контексте литературных течений и литературной критики XX в.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Г.В. Адамович, В.Ф. Ходасевич, литературная критика Советской России и русского зарубежья, символизм, формализм и другие литературные течения XX в.

Информация об авторе: Олег Анатольевич Коростелев (1959–2020) — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе (2016–2020), Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская Академия наук, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4618-4223>

Для цитирования: Коростелев О.А. П.М. Бицилли между формализмом и социологией // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 411–418.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-411-418>

Research Article

PIOTR BITSILLI BETWEEN FORMALISM AND SOCIOLOGY

© 2024. Oleg A. Korostelev

Abstract: The article considers the work of P.M. Bitsilli as a literary critic, indicates the place of the literary and critical heritage of the scholar in his creative heritage, in Russian philology in general and in the context of literary movements and literary criticism of the twentieth century.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Georgii V. Adamovich, Vladislav F. Khodasevich, literary criticism of Soviet Russia and Russian abroad, symbolism, formalism and other literary movements of the twentieth century.

Information about author: Oleg A. Korostelev (1959–2020), PhD in Philology, Deputy Director for Scientific Work (2016–2020), A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 25A, bld. 1, Povarskaya st., 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4618-4223>

For citation: Korostelev, O.A. “Piotr Bitsilli between Formalism and Sociology.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protodopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 411–418. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-411-418>

Петр Михайлович Бицилли был очень разносторонним человеком, работавшим в разных жанрах. Когда к широкому читателю, к российскому в частности, стало возвращаться его наследие, Бицилли был представлен в разных ипостасях как историк, культуролог, литературовед. Очень характерны названия первых работ о нем: «Бицилли как литературовед», «Бицилли как историк средневековой и ренессансной культуры», «Бицилли — пушкинист», «Бицилли —

гоголевед» [1; 2; 3; 4; 5; 6] и т. д. Появились публикации архивных материалов, эпистолярии, библиографические очерки, монографии о нем. Но есть одна ипостась, которая часто упоминалась, но не была предметом специального изучения или не была собрана в отличие от предыдущих томов. Ведь по каждой из этих ипостасей у Бицилли существует отдельный том: том его работ по истории, по культурологии, по литературоведению. Многолетняя литературно-критическая деятельность Бицилли никогда не была собрана воедино. Если собрать эти его публикации, то получится еще один том, достойно венчающий творчество Бицилли.

Обычно на Западе литературная критика и литературоведение — это одно и то же. В российской филологической традиции не так: эти области представляют два принципиально разных вида деятельности. Бицилли умел делать и то, и другое. Собраны его литературоведческие работы, но литературно-критические, как отдельный вид его творчества, не собраны. Конечно, исчерпывающим образом отделить одну ипостась от другой затруднительно, потому что, по словам современного исследователя: «Для многих, если не для подавляющего большинства публикаций П. Бицилли характерна многопроблемность и многопрофильность». И тем не менее литературно-критические статьи и рецензии Бицилли в эмигрантской зарубежной печати, прежде всего в «Современных записках», открывают нам одного из самых глубоких критиков не только эмиграции, но и всей эпохи. Эмиграция была очень богата на литературно-критические таланты. Литературные критики эмиграции — это, на мой взгляд, лучшие критики за весь период существования русскоязычной литературной критики. Там были личности такого масштаба, что ни до ни после мало кто мог с ними сравниться. Это, по крайней мере, с десяток лиц высшего разряда.

П. Бицилли был профессором в Белградском университете (точнее — в университетском филиале в Скопье), а затем в Софийском университете, то есть по понятиям эмиграции — в эмигрантской провинции. Он и сам в переписке расценивал свое положение примерно так, но у него были свои воззрения на этот счет. Принимая участие в полемике эмигрантов о столичной и провинциальной литературе, Бицилли написал в статье «Две эмигрантские литературы»:

Русские писатели, имена которых стали известны только в эмиграции, и которых возрастной ценз можно, следовательно, считать приблизительно одинаковым, распадаются на две категории. Я на-

зову условно первую — писателями столичными, вторую — провинциальными. Столичные духовно, а всего чаще телесно связаны с мировой столицей, Парижем. Они объединяются по двум общим — отрицательным — признакам: они не пишут о России и их нельзя связать ни с кем из представителей доэмигрантской русской литературы. «Провинциалы» <...>, некоторые из них пишут и о русской жизни, они сохраняют связь с русской стихией, в частности с русской литературой... [7, с. 3].

Думаю, для Бицилли эта провинциальность не была отрицательным знаком, а просто являлась другой частью эмигрантского существования, ничуть не меньшей. Иногда неследование за модой бывает тоже очень полезно и плодотворно. Он за модой не стремился бежать.

Живя вдали от главных центров русского рассеяния, Бицилли напрямую в литературной жизни участия не принимал, но на все более или менее интересные явления откликался, публикуясь в самых центральных и аристократических изданиях: «Современных записках», «Числах», «России и славянстве» и т. д. Будучи одновременно историком, филологом, культурологом, критиком, обладая способностью мыслить целыми культурами, Бицилли достигал в отдельных статьях и рецензиях тончайшей плотности мысли, когда вмещал в несколько страниц содержание целых трактатов. У него есть рецензии, которых другому хватило бы на хорошую докторскую диссертацию, — там заложено столько мыслей, сколько для рецензии совершенно не характерно (обычно рецензии считаются журналистским жанром). Рецензии Бицилли очень глубоки и содержательны.

К сожалению, а может быть, к счастью, у Бицилли никогда не было постоянной литературной колонки, чем славилась вся литературная критика. Не только в крупных литературных центрах все ждали четверга, когда выходили литературные колонки центральных парижских газет «Возрождение», где шла колонка В. Ходасевича, и «Последние новости», где шла колонка Г. Адамовича. Много свидетельств из самых разных регионов от Прибалтики до Китая: все ждали, что они скажут сегодня, как они отругают друг друга и т. д. Это воспринималось как центральное явление литературной жизни. Такой колонки у Бицилли не было. Его рецензии появлялись скорее случайно, по конкретным поводам. Единым полотном они со своим внутренним литературно-критическим сюжетом не связываются, как это было у Ходасевича, Адамовича и др. И тем не менее,

если их собрать вместе, они многое могут добавить и представить более полно фигуру и личность автора.

Поскольку Бицилли был от литературных центров эмиграции далек, в полемиках он участвовал опосредованно, без личных мотивов, нюансов не учитывал. В частности, очень характерна была история с Христофором Мортусом после выхода романа «Дар», в одном из персонажей которого весь литературный Париж узнал Георгия Адамовича. В. Ходасевич писал примерно в 1938 г.: «Бицилли написал о том, что узнал в Мортусе меня, и этот человек еще на свободе» [8, с. 317]. Ходасевича это разозлило страшно.

Именно эта отдаленность от литературной среды позволяла Бицилли писать то, что он думает, без каких бы то ни было ссылок на внешние обстоятельства. В этом смысле он был более свободен, чем известные критики парижской прессы, которые были вынуждены так или иначе применяться к обстоятельствам, чтобы никого не обидеть.

На мой взгляд, Бицилли — один из немногих критиков высшего разряда, слово которых было свободно и от редакционной политики, в отличие от, например, Адамовича и Ходасевича. У Бицилли все было проще: его либо не печатали, либо печатали, поэтому он не кривил душой, просто писал все, что думает. Таких было несколько, например Д. Святополк-Мирский, но на него влияло обратное: стремление переострить, перещеголять весь мир, эпатировать все на свете, что отражалось на его текстах, хотя критик он был блистательный, совершенно непревзойденный в своем роде. Бицилли не был вовлечен во все эти игры, и даже в этом была его свобода.

П. Бицилли жил в эпоху, когда теории получили непомерную власть над людьми. На мой взгляд, никогда еще всевозможные «измы» не довели так, как в первой половине XX в. XIX в. был в этом плане более свободным, а ХХI в. по принципу маятника, видимо, откатнулся и стал на всю эту идеологию смотреть совсем равнодушно. С начала XX в. «измы» пошли один за другим. Сначала возник символизм, его влияние, действительно, громоздко, грандиозно в литературе, а потом в литературоведении. Возникли имажинизм, конструктивизм и пр. Эта тенденция прослеживается не только в России, но и во Франции, Японии, а также в других европейских и азиатских странах. Общая проблема всех «измов» — каждый из них конкретизировал, подчеркивал, обращал пристальное внимание на одну из сторон <предмета>, и односторонним оставалось <их наследие>. Недостаточность становилась очевидной, поиски шли дальше.

В эмиграции нелюбовь к «измам» была явлением нередким. Если попробовать сравнивать литературную критику двух ветвей русской литературы XX в., то можно сказать, что за известными исключениями в советской России преобладал тип социологической критики. В эмиграции ни формалистская, ни социологическая не была главенствующей, формалистов признавали мало.

Бицилли, как и некоторые другие эмигрантские критики, формалистские находки порой использовал, но в целом формалистские устремления не одобрял. К ним вообще относились скорее отрицательно, и мне представляется, что это заслуживает отдельного исследования. Это была бы великолепная книга — хрестоматия отзывов эмигрантских критиков и литературоведов о формализме, притом что люди это были умнейшие.

Эмигрантское общество, как и дореволюционное, продолжало оставаться литературоцентричным, причем литература воспринималась как цель, а не как средство. Для эмигрантской критики были характерны эсхатологические настроения, так что предпринималось большое количество попыток разобраться, что случилось с обществом в последнее десятилетие и почему это произошло.

Бицилли здесь тоже был немного особенным. Он не отвергал с порога все открытия различных «измов», относился к ним с интересом, пользовался удачными находками, но полностью становиться на какую-то заданную платформу не собирался. Бицилли не хотел объединять ни себя, ни литературу, и таким образом счастливо избежал односторонности, оставаясь не с идеологией, а с литературой. Мимо многих увлечений он не прошел, взял у них лучшее, но избежал соблазна отдаться какой-то одной из них целиком, т. е. прошел сквозь них, оставшись самим собой — крупным ученым, человеком, критиком.

Для своих наблюдений и выводов Бицилли часто использовал терминологию самых разных направлений и школ, но ухитрялся всякий раз переплавлять это в свое. Найденные термины или очередные теории евразийства, шпенглеризма, русский символизм и прочее он не перенимал и не присваивал, а все эти термины, теории, находки вплетались у него в мыслительное повествование как один из многочисленных голосов, создавая своеобразное теоретическое многоголосие. Как М. Бахтин описывал полифонию у Достоевского, так у Бицилли эти теории соединялись в уникальный сплав, не делая его односторонним и не замещая одним приемом все остальные.

Бицилли, как и другие эмигранты, стремился оставаться на платформе здравого смысла, реальной истории, реальной литературы,

понимая, что любые идеологические и теоретические заострения неминуемо обеднят, сузят их мысль и заставят отказаться от многого.

Нападки на формалистов были совершенно справедливыми. Они много сделали в изучении литературы, но полностью отбросили то, без чего литература немыслима, сказав, что это их не интересует, и получился очень односторонний взгляд. Отказаться от этого Бицилли как крупный ученый не хотел, и, на мой взгляд, он правильно сделал. При его разносторонних интересах он не удовлетворился бы одной литературой. Для него не менее важны были и история, и культурология, и вообще жизнь как таковая. Поэтому он и не стал ни чисто литературоведом, ни критиком, а остался большим разносторонним ученым возрожденческого, ренессансного склада. Том его литературно-критических работ непременно должен быть издан, и только тогда наследие Бицилли полностью войдет в оборот, а его личность предстанет во всей полноте звучания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. Бицилли — пушкинист (заметки к библиографии ученого) // После юбилея / под ред. Р. Тименчика и С. Шварцбанда. Jerusalem, 2000. С. 227–234.
2. Васильева М.А. П.М. Бицилли — пушкинист // Пушкин и культура русского зарубежья: сб. ст. / под ред. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 393–395.
3. Васильева М.А. Проблема человека в трудах Петра Бицилли о Гоголе // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (22). С. 10–15.
4. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256–271.
5. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк средневековой и ренессансной культуры // Культура Возрождения и средние века. М.: Наука, 1993. С. 186–197.
6. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // Studia Slavica Hungarica. 1988. Т. 34, № 14. С. 205–222.

Источники

7. Бицилли П.М. Две эмигрантские литературы // Россия и славянство. Париж, 1933. 4 февраля. № 213. С. 3.
8. Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / публ. Д. Бетеа // Минувшее. Исторический альманах. 1988. № 5. С. 228–327.

REFERENCES

1. Birman, M.A. “Bitsilli — pushkinist (zametki k bibliografii uchenogo)” [“Bitsilli — Pushkin Scholar (Notes on the Bibliography of the Scientist)”]. *Posle iubileia [After the Anniversary]*. ed. by R. Timenchik, S. Schwarzband. Jerusalem, 2000, pp. 227–234. (In Russian)
2. Vasil’eva, M.A. “P.M. Bitsilli — pushkinist” [“P.M. Bitsilli — Pushkin Scholar”]. *Pushkin i kul’tura russkogo zarubezh’ia [Pushkin and the Culture of Russian Abroad]*, ed. by M.A. Vasilieva. Moscow, Russkii put’ Publ., 2000, pp. 393–395. (In Russian)
3. Vasil’eva, M.A. “Problema cheloveka v trudakh Petra Bitsilli o Gogole” [“The Human’s Problem in the Writings of Piotr Bitsilli about Gogol”]. *Nauka o cheloveke: Gumanitarnye issledovaniia*, no. 4 (22), 2014, pp. 10–15. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak istorik kul’tury” [“P.M. Bitsilli as a Cultural Historian”]. *Odissei. Chelovek v istorii. 1993: Obraz “drugogo” v kul’ture [Odysseus. A Man in History. 1993: The Image of the “Other” in Culture]*. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 256–271. (In Russian)
5. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak istorik srednevekovoi i renessansnoi kul’tury” [“P.M. Bitsilli as Historian of Medieval and Renaissance Culture”]. *Kul’tura Vozrozhdeniia i srednie veka [Culture of the Renaissance and Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 186–197. (In Russian)
6. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak literaturoved: (K postanovke voprosa)” [“P.M. Bitsilli as a Literary Critic: (Raising the Question)”]. *Studia Slavica Hungarica*, vol. 34, no. 14, 1988, pp. 205–222. (In Russian)

Дата поступления статьи: 31 января 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 мая 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 31 January 2020

Approved after reviewing: May 17, 2022

Date of publication: December 26, 2024